

ГОД РАБОТЫ С ЗНАМЕНИТЫМ ПИСАТЕЛЕМ

(Фрагмент)

Источник: Шкляревский А. Что побудило к убийству? (Рассказы следователя) / Подгот. текста, сост. вступ. ст., коммент. А. И. Рейтблата. -- М.: Худож. лит., 1993. -- 303 с. ("Забывтая книга")

Scan, OCR, SpellCheck, Formatting: Алексей Никитин, 2009

Если в конторе не было посторонних, Федор Михайлович <...> писал вслух свои "Дневники". Иногда он рассказывал свои впечатления, события дня. Именно в это время, помню, рассказывал он мне "историю" своей встречи с известным автором "судебных рассказов" А. Шкляревским. Встреча эта произвела на Федора Михайловича такое болезненно-тяжелое впечатление, что он, по-видимому, долго не мог от него освободиться.

Дело было так. Шкляревский летом однажды зашел к Достоевскому и, не застав его дома, оставил рукопись, сказав, что зайдет за ответом недели через две. Федор Михайлович, просмотрев рукопись, сдал ее, как всегда, в редакцию, где хранились все рукописи -- и принятые, и непринятые. О принятии рукописи известить автора Федор Михайлович не мог, так как Шкляревский, будучи всегда в разъездах и не имея в Петербурге определенного места жительства, адреса своего не оставлял никому.

Прошло две недели. Шкляревский заходил к Федору Михайловичу -- раз и два, -- и все не застаёт его дома. Наконец, в одно утро, когда Федор Михайлович, проработав всю ночь, не велел будить себя до двенадцати, слышит он за стеной поутру какой-то необычайно громкий разговор, похожий на перебранку, и чей-то незнакомый голос, сердито требующий, чтобы его "сейчас разбудили", но Авдотья, женщина, прислуживавшая летом у Федора Михайловича, будить отказывается.

-- И наконец они такой там подняли гам, -- рассказывал мне Федор Михайлович, -- что волей-неволей я вынужден был подняться. Все равно, думаю, не засну. Зову к себе Авдотью. Спрашиваю: "Что это у вас там такое?" -- "Да какой-то, -- говорит, -- мужик пришел, дворник, что ли, бумаги чтобы сейчас ему назад, требует. Сердитый такой -- беда! Ничего слушать не хочет. И ждать не хочет. Непременно чтобы сейчас бумаги ему отдали". Я догадался, что это -- кто-нибудь от Шкляревского. "Скажи, -- говорю, -- чтобы подождал, пока я оденусь. Я сейчас к нему выйду".

Но только стал одеваться и взял гребенку в руки, слышу, рядом, в гостиной, опять ожесточеннейший спор. Авдотья, видимо, не знает, что отвечать, а посетитель, видимо, дошел до белого каления, потому что не так я уж долго одевался и причесывался, а он, слышу, кричит на весь дом: "Я не мальчишка и не лакей! Я не привык дожидаться в прихожей!"

-- А у меня, надо вам сказать, -- пояснил Федор Михайлович, -- мебель в гостиной на лето составлена в кучу и покрыта простынями, чтобы не пылилась, потому что летом некому ее убирать. Ну вот, услышав, что мою гостиную принимают за прихожую, я не выдержал, заинтересовался узнать, кто именно, и приотворил слегка дверь. Вижу: действительно не мальчишка, человек уже пожилой, небритый; одет как-то странно: в пальто и ситцевой рубаше, штаны засунуты в голенища, в смазных сапогах. Я все-таки почтительно ему кланяюсь, извиняюсь и говорю: "Не кричите, пожалуйста, на мою Авдотью, Авдотья тут решительно не виновата ни в чем... Я запретил ей будить себя, потому что работал всю ночь. Позвольте узнать, что вам угодно и с кем имею удовольствие?" -- "Скажите прежде всего вашей дуре кухарке, что она не смеет называть меня "мужиком"! Я слышал сейчас собственными ушами, как она назвала меня "мужиком". Я не мужик, я -- писатель Шкляревский, и мне угодно получить мою рукопись!" -- "Великодушно прошу извинить Авдотью за то, что она по костюму приняла вас не за того, за кого следовало... А относительно рукописи я вас прошу обождать пять минут, пока я оденусь. Через пять минут я к вашим услугам..."

-- И представьте себе, он не дал мне даже договорить! -- с удрученным видом продолжал Федор Михайлович. Кричит свое: "Я не хочу дожидаться в прихожей! Я не лакей! Я не дворник! Я такой же писатель, как вы! Подайте мне сейчас мою рукопись!" -- "Вашу рукопись, -- говорю ему, -- вы получите в редакции "Гражданина", куда она сдана уже две недели назад с отметкой, что пригодна для напечатания..." -- "Я не желаю иметь дело с вашей редакцией "Гражданина"! Я отдал рукопись вам, а вы заставляете меня дожидаться в прихожей! Как вам не стыдно после всего, что вы написали! Вы -- ханжа,